

Декабрь 1860

Австрийские дела. — Программа Шмерлинга. — Развитие венгерских отношений. — Вопрос о народностях в Венгрии. — Италия. — Декрет 24 ноября во Франции. — Вопрос о сохранении или расторжении союза в Северо-Американских Штатах.

Итальянские дела решительно отстранены на второй план событиями, происходящими или готовящимися в Австрии. Обстоятельства австрийцев становятся действительно серьезны. Будем надеяться попрежнему, что австрийцы сумеют избавиться от затруднений, произведенных либеральными их попытками. Но именно для того, чтобы можно было нам вполне оценить всю ловкость, какую несомненно обнаружат австрийцы в отстранении затруднений, нам надобно выставить теперь всю опасность их обстоятельств.

Статуты, изданные для четырех немецких провинций, были встречены, как мы уже говорили, самым неблагоприятным образом. Чтобы понять всю распространенность неудовольствия, довольно будет привести одно свидетельство. Читателю известно, что «Аугсбургская газета»¹ служит полуофициальным органом австрийского правительства. Кроме корреспондентов, пишущих по официальному указанию, она имеет в Австрии и других корреспондентов, которые, не занимая официального положения, заслуживают чести сотрудничества в «Аугсбургской газете» пылким спокойствием своего австрийского патриотизма. Эти скромные патриоты до сих пор доказывали в «Аугсбургской газете», что дела идут хорошо; но теперь они увидели необходимость предостеречь австрийских министров. Мы сами не следим за развитием либерализма в заграничном органе австрийского правительства, но вот из венской корреспонденции «Times'a» отрывок, показывающий, до какой печальной необходимости предостеречь своих покровителей доведена «Аугсбургская газета»:

«Вена, 26 ноября.

Некоторые из наших читателей могут думать, что я слишком мрачно смотрю на положение дел в Австрии; потому приведу здесь мнения других публицистов. «Аугсбургская газета», находящаяся, как известно, в самых дружеских отношениях к австрийскому правительству, напечатала письма из Тироля от 17 и 18 ноября, и вот какво содержание этих писем:

«Трудно выразить все наше недовольство. Малы были наши ожидания, но дано нам гораздо меньше, чем ждали мы. Тироль — страна, всегда бывшая верною династии — получил в награду за свою верность и самоотвержение статут, который не лучше статута 1816 года. Мы решительно не в состоянии понять, как мог кабинет издать такой закон в минуту, когда собирается столько туч над головою Австрии. Тирольские поселяне и горожане, — одни поселяне и горожане, — много веков придают всю особенность тирольской истории; кто вздумал бы отрицать это, доказал бы лишь собственное незнание. А новый статут ставит малозначительную (bedeutungslose), аристократию и духовенство на одну доску с третьим и четвертым сословиями. Каждое сословие имеет одинаковое число представителей, и чтобы Европа могла составить себе верное понятие о важности тирольских дворян, правительство определило, что право быть избираемыми принадлежит дворянам, платящим 25 флоринов поземельного налога. В Штирии, напротив, из поселян могут быть избираемы только платящие не меньше 30 флоринов поземельного налога. Впечатление, произведенное статутом, следует назвать не просто неблагоприятным, а даже тяжелым».

Еще до обнародования статутов Штирии, Каринтии, Зальцбурга и Тироля я говорил вам, что жители германских провинций будут сильно протестовать против восстановления сословных сеймов, составляющих политический анахронизм. Так думает и говорит «Ost-Deutsche Post»; вот извлечение из статьи, помещенной в ней 25 ноября:

«Правительство так мало сделало для богатых и влиятельных дворян Тироля и Штирии*, что аристократия других провинций начинает тревожиться. Большинство государственного совета уведомляло нацию, что когда аристократия будет управлять делами провинций и округов, ее желания будут исполнены. Теперь оказывается, что большинство государственного совета было слишком скромно, потому что для аристократии сделано больше, чем она просила. Австрийское дворянство хочет быть всемогущим в государстве. Если оно достигнет своей цели, что из того выйдет? Враждебное чувство возникнет между сословиями. Нация хочет иметь серьезных, неподдельных представителей».

В прибавление к этому я замечу, что ультрареакционная партия вполне господствует, так что считает слишком либеральными даже графа Рехберга и графа Сечена. Предводители этой партии — австрийско-немецкие прелаты, духовники некоторых влиятельных лиц и несколько старых господ и господж. Взгляды людей, управляющих делами, так узки, что они не видят опасности своего положения, которая очевидна для всех неофициальных зрителей».

Читатель знает, что Тироль всегда был провинциею самую спокойною и самую верною из всех австрийских областей. Можно предположить, как не понравилось другим провинциям устройство, дававшееся им от графа Рехберга², когда «Аугсбургская газета» увидела надобность изображать ему в таких красках впечатление, произведенное его реформами на Тироль.

Действительно, никто теперь не хвалит систему, которую ду-

* Читатель знает, что в Тироле вовсе нет дворянства; в Штирии его также очень мало.

мал ограничить реформы граф Рехберг, и все порицают его. Но беспристрастный читатель не станет думать, будто бы Рехберга винят за все справедливо. Мы в прошлый раз старались доказать, что австрийские министры делали все возможное для них, и если не делали до сих пор уступок, более значительных, то лишь по невозможности. Притом же, если граф Рехберг — дурной министр, то почему не заменили до сих пор его другим министром? Тут представляются лишь два ответа: или вовсе нет людей, которые стали бы на его месте действовать иначе, или никто из таких людей не мог занять его место. В том и в другом случае очевидно, что граф Рехберг был до сих пор наилучшим возможным министром. Спрашиваем теперь, можно ли порицать того, который наилучшим образом исполняет свое назначение? Надобно заметить еще одно обстоятельство, самым поразительным образом доказывающее всю пустоту порицателей. Читатель помнит, как Европа хвалила намерения и принципы Гюбнера³, назначенного министром по заключении Виллафранкского мира, как печалилась об отставке, скоро данной ему. Теперь носились слухи, что по неудовлетворительности нынешних министров будет снова призван в кабинет Гюбнер, который поведет дела либеральным способом. Из сотни людей, порицающих графа Рехберга, 99 были бы в восторге от назначения министром барона Гюбнера. Но вот небольшой отрывок из венской корреспонденции «Times'a»:

«Вена, 3 декабря.

Ныне я имел случай говорить с человеком, которому должны быть хорошо известны мнения и намерения графа Рехберга; он прямо сказал мне, что пока Рехберг останется во главе правительства, не будет сделано никаких действительных уступок австрийско-немецким провинциям. Министр-президент (сказал он мне) человек с очень узким взглядом, и если дела пойдут, как шли до сих пор, то скоро ему будет невозможно остаться министром. Барон Гюбнер, имевший в эти дни два аудиенции у императора, человек способный; но он непопулярен в австрийской публике, потому что принадлежит к партии, заключившей конкордат».

Просим читателя не обращать никакого внимания на первые строки этого отрывка, содержащие явную клевету на графа Рехберга: диплом 20 октября и следовавшие за ним акты слишком ясно показывают неосновательность отзыва, сделанного корреспондентом «Times'a». Уступки уже были сделаны, и мы удивимся легкомыслию, говорящему после того, что граф Рехберг не расположен к уступкам. Но мы привели письмо из «Times'a» не для первой, а только для второй половины его, для ознакомления читателя с убеждениями барона Гюбнера. Положим, что Гюбнер не популярен теперь, — это еще ничего не доказывает: год тому назад, когда он получил отставку, он был популярен. Скажите же, какого уважения заслуживает австрийская публика, столь быстро меняющая свой взгляд на одного и того же человека?

Мы полагаем, что мнение такой публики не заслуживает ни малейшего внимания; мы заключаем из этого, что если теперь и граф Рехберг и барон Гюбнер не популярны, то из этого еще не следует, будто бы Рехберг дурно управляет делами и Гюбнер стал бы дурно управлять ими. Но если непопулярность министра в австрийской публике не служит для нас доказательством его дурного управления, то и популярность другого человека, назначаемого австрийским министром, не должна для нас служить доказательством, что он будет управлять делами хуже министра, несправедливо не пользующегося столь же выгодною репутациею в публике. Мы это говорим в виде предисловия к тому, что назначен теперь министром Шмерлинг, о котором до его назначения отзывались с большою похвалою. Надобно рассказать, как произошло это назначение.

Граф Рехберг, министр-президент, конечно, имеет в кабинете господствующий голос. Но, вполне заслуживая такой власти своими талантами и убеждениями, он не имеет специальных сведений по государственному управлению и собственно только показывает своим сотоварищам путь, по которому они должны идти, а управлением заведывают уже они сообразно его общим указаниям. Читатель знает, что по диплому 20 октября все дела внутреннего управления, разделявшиеся прежде на несколько министерств, соединены в одно министерство, глава которого называется государственным министром. Это важнейшее место было предоставлено графу Голуховскому⁴, который прежде был непопулярен и сделался еще непопулярнее по обнародовании четырех провинциальных статуты, напрасно ставившихся публикою в личное порицание ему. Как бы то ни было, но обнаружилась надобность подкрепить кабинет более популярным именем; стали носиться слухи, что граф Рехберг приглашает в министерство Шмерлинга⁵. Следующий отрывок из венской газеты «Die Presse»⁶ покажет читателю, как легкомысленно компрометировала Шмерлинга австрийская публика своими пустыми толками:

«Опять носится слух, что г. фон-Шмерлинг будет членом кабинета. Подобный слух разносился много раз в последние месяцы; но теперь мы имеем положительное известие, что министр-президент действительно вступил в переговоры с г. Шмерлингом. Имя Шмерлинга популярно в умеренно-либеральной немецкой партии, но его не любят ультраконсерваторы. Политические принципы назначаемого министра мало известны нам, потому что он только раз говорил публично в последние восемь лет. Летом 1849 года Шмерлинг, бывший прежде одним из министров Германской Франкфуртской империи, сделался членом конституционного (австрийского) министерства, главою которого был князь Шварценберг⁷, а через два года он вышел из кабинета. Уже одно имя Шмерлинга составляет программу, но программу, несовместную с системою графа Рехберга. При нынешнем положении венгерских дел очевидно, что надобно или прибегнуть к насильственным мерам, или признать избирательный закон 1848 года⁸. Венгерский сейм может иметь доверие к министерству, не предрасположенному в пользу феодальной партии, может дойти до соглашения с таким министерством.

Все это должно быть хорошо известно г. фон-Шмерлингу; потому он едва ли согласится вступить в кабинет графа Рехберга иначе, как с тем, чтобы граф Рехберг совершенно изменил систему и усилил немецкий элемент в кабинете. Если г. фон-Шмерлинг войдет в министерство без этих условий, он скоро испытает судьбу своих предшественников».

Мы покажем, что Шмерлинг не изменит долгу, лежащему на австрийском правителе, и не явится тем легкомысленным либералом, какого ожидали увидеть в нем люди, не понимающие потребностей положения, к которому призван он. Впрочем, уже самое его назначение служит достаточным ручательством за то, что намерения нового министра согласны с австрийским благом. Мы не должны колебаться в этой уверенности даже и рассказами о подробностях, в которых произошло его назначение. Дело происходило, по словам «Times'a», следующим образом:

«Фон-Шмерлинг назначен государственным министром, и достоверно, что его программа принята императором. При разговоре с его величеством в четверг (6 декабря) он выразил свои мнения с большою прямою, и они были выслушаны терпеливо и внимательно, хотя некоторые из них едва ли могли быть приятны государю. Франц-Иосиф редко имел случай узнать в истинном виде общественное мнение. Ожидают, что Шмерлинг обнародует свою политическую программу тотчас же по принятии дел своего министерства, и друзья его говорят мне, что программа эта — либеральная. Лицо, хорошо знакомое с происходящим в официальных кругах, сообщает мне следующие сведения о нынешнем министерском кризисе. Дней десять тому назад происходило заседание кабинета, при котором присутствовал император. Граф Голуховский говорил о необходимости немедленно обнародовать статуты для всех немецких провинций. Фон-Лассер, один из новых министров без портфеля, заметил, что четыре обнародованные статута произвели дурное впечатление на публику. Начался спор; граф Голуховский разгорячился и, наконец, вскричал: «Если вы хотите конституции, то почему не скажете этого прямо?» К великому удивлению графа Рехберга и некоторых его товарищей, фон-Лассер отвечал, что, по его мнению, надобно дать какую-нибудь конституцию славянско-немецким провинциям. Пока шел спор, император не говорил ни слова, но по окончании спора он приказал графу Рехбергу немедленно послать за Шмерлингом».

Конечно, Шмерлингу приносит большую честь прямота, с которою он выразил свой взгляд на положение дел. Но исход дела удостоверяет нас, что в его правдивой речи не заключалось никаких неудобноисполнимых проектов. Мы не имеем надобности отвергать известие, что в заседаниях, ходом которого утвердился император австрийский в намерении заменить Голуховского Шмерлингом, Лассер говорил о конституции; но должно думать, что Лассер сам не придает этому слову несовместного с нынешним порядком значения, если вступил в министерство графа Рехберга, который, как мы знаем, не сделает в управлении перемены, вредных для нынешней системы. Конечно, как человек благоразумный, не мечтающий о вещах, не согласных со всею обстановкою положения, Лассер удовлетворится формальными изменениями, не нарушающими существенного характера учреждений, вводимых по диплому 20 октября. Если действительно откроется

надобность в дальнейших уступках, о которых говорил Лассер, называвший совокупность их конституциею, то эти уступки могут состоять в заменении имени государственного совета именем законодательного корпуса или австрийского имперского сейма, в некоторых переменах способа назначения членов этого собрания, — например, областным сеймам может быть предоставлено право прямо выбирать членов этого общего собрания, вместо того что теперь областные сеймы выбирают только кандидатов, из которых выбирает действительных членов уже министерство. Таких исправлений в дипломе 20 октября граф Рехберг может сделать много, не портя основного характера нынешней системы. Но мы напрасно говорим так длинно о мыслях Лассера и о средствах исполнить их без вреда для австрийцев: Лассер не занимает важного места в кабинете, и если надобно ждать перемен, то не от его влияния, а разве от влияния Шмерлинга. Посмотрим же, должна ли нынешняя Австрия опасаться нового министра. Однажды он уже был министром и держал себя способом, успокаивающим вас за его нынешние намерения.

Шмерлинг вышел из министерства в начале 1851 года, когда убедился, что решено отменить суд присяжных, введенный в 1848 году. Это обстоятельство может быть перетолковываемо во вред ему, и действительно, в приведенных нами выписках из австрийских газет читатель замечал, что на нем основано мнение о либерализме нового министра. Но тут существуют два смягчающие обстоятельства. Во-первых, Шмерлинг, будучи министром юстиции, составил много узаконений о судеустройстве и судопроизводстве сообразно существовавшему тогда суду присяжных. Естественно, ему неприятно было думать, что при уничтожении суда присяжных ему же самому придется отменять составленные им законы. Притом австрийские судьи и адвокаты были сильно расположены в пользу суда присяжных; смущаться неудовольствием толпы — дело непохвальное в австрийском министре, но нет ничего особенно предосудительного, с австрийской точки зрения, уважать мнение подведомственных сановников: Шмерлинг вышел в отставку, чтобы заслужить похвалу от тогдашнего судебного сословия. Если рассуждать без всякой снисходительности, конечно, следует назвать это слабостью, но читатель согласится, что такая слабость еще не дает права считать Шмерлинга за человека вредного для австрийской системы. Весь образ его действий, пока он оставался министром, показывает, что он умел понимать надобности своего положения. Он вступил в должность в половине 1849 года, перед окончанием венгерского мятежа. Во время его управления министерством юстиции Гайнау произвел те наказания, которые даже и мы, при всем понимании тогдашней нужды в примерной строгости, должны назвать чрезмерно строгими: при министерстве Шмерлинга были наказаны смертью генералы, сдавшиеся вместе с Гёргеем⁹, был казнен

Людвиг Батиани¹⁰. Конечно, казни эти производились не собственно Шмерлингом, а командирами австрийской армии; конечно, производились они не судилищами, зависевшими от Шмерлинга, а военными судами. Но если бы Шмерлинг не считал эти меры при всей их суровости неизбежными, то он не остался бы министром осенью и зимой 1849 года, когда совершались эти наказания. Можно еще было бы сомневаться в чувствах, с которыми смотрели на них другие его товарищи, например, Шварценберг или Бах, — они были не министрами юстиции, не до них прямым образом относились эти дела; если они оставались на своих местах, это еще не значило, что они прямо одобряют Гайнау; но Шмерлинг был министром юстиции; его специальным, его личным делом — было наблюдение за способом и мерою наказания мятежников; если он не выходил в отставку, то о нем уже нельзя сомневаться, думал ли он, что Гайнау поступает вообще хорошо. Имея в политической биографии Шмерлинга такой эпизод, как отправление должности министра юстиции с осени 1849 года до начала 1851 года, мы должны заключить, что у него всегда достанет характера для проведения мер, требуемых надобностью сохранить в государстве порядок и поддержать ту систему, в установлении которой он участвовал: читатель знает, что коренные черты устройства, которым пользовалась донныне Австрийская империя, были выработаны именно в те годы, когда Шмерлинг находился министром.

Правда, в следующие годы, когда он уже не состоял министром, система, введенная при нем, развилась полнее и некоторых подробностей ее дальнейшего развития он не одобрял. Но, кроме вопроса о суде присяжных, его разногласие с его преемниками и бывшими товарищами относилось только к чертам второстепенным, а не к самому духу законодательства и управления. Примером тому пусть послужит вопрос о провинциальных сеймах, который и был прямою причиною возвращения Шмерлинга в кабинет. Статуты областных сеймов, написанные Голуховским, должны быть исправлены теперь Шмерлингом. Но десять лет тому назад, когда Шмерлинг был министром, также были обнародованы статуты для областных сеймов. Посмотрим же, чем отличались от статутов Голуховского эти уставы, в составлении которых участвовал Шмерлинг.

По статутам, изданным в последние месяцы для Штирии, Каринтии, Зальцбурга и Тироля, состав сейма устроен так, что жители провинции делятся на четыре сословия, из которых каждое посылает на сейм своих особенных представителей. По статутам, изданным в 1850 году при участии Шмерлинга для нижнего и верхнего эрцгерцогств австрийских, для Зальцбурга, Моравии, австрийской Силезии, Тироля, Богемии и Галиции; депутаты посылались от трех сословий, а не от четырех, как теперь. Дворянство и духовенство были соединены тогда в один

класс под именем «лиц, имеющих большие имущества»; сословию горожан нынешних статутот соответствовал «класс людей среднего еостояния», а сельским общинам нынешних статутот соответствовал разряд «людей, владеющих малыми имуществами». Но при этой разнице трехчленного и четырехчленного деления основной характер тех и других сеймов одинаков: сеймы эти — сословные сеймы. По статутам Голуховского, число депутатов, посылаемых разными сословиями, определено так, что два высшие сословия должны иметь в сейме большинство. Та же самая цель достигалась в статутах 1850 года расчетливым распределением числа депутатов между разрядами и округами, одушевленными сочувствием к министерству или недовольными его системою. Так, например, в Богемии чехи требуют реформ, а немецкое население, враждующее с ним, было в 1850 году на стороне министерства; потому из 220 членов богемского сейма лишь немногие должны были избираться от чешских округов и корпораций, и огромное большинство избиралось теми коллегиями первого и второго разряда, которые составлены были из немцев, хотя чехи составляют две трети всего населения Богемии.

Мы видим, что состав провинциальных сеймов был по статутам 1850 года существенно одинаков с составом, определенным нынешними статутами. Точно то же следует сказать и о круге действий, предоставленном сеймам. Статуты 1850 года определяли, что главнейшими занятиями сеймов будет служить надзор за исправлением дорог и заведывание богоугодными заведениями, а также кадастровою частью. Те же самые предметы предоставлены областным сеймам и нынешними статутами. И по тем и по другим статутам сеймы были собственно советами, назначенными в помощь губернаторам или наместникам провинций по исполнению распоряжений центрального правительства, относящихся ко взиманию податей, к путям сообщения и к больницам.

Заметная разница только одна. По статутам 1850 года представители всех трех разрядов или сословий избирались прямо голосами самих избирателей, а по статутам Голуховского представители горожан и поселян должны назначаться по выбору не самих жителей, а городских или сельских начальств. Надобно ожидать, что это правило будет изменено Шмерлингом сообразно порядку, установлявшемуся статутами 1850 года. Но такая перемена, была ли бы она хороша или дурна сама по себе, не будет иметь важного значения при известном читателю составе сеймов и круге их деятельности.

Пока писалась эта статья, получена телеграфическая депеша, сообщающая содержание программы, обнародованной Шмерлингом по вступлении в министерство. Изложенные нами ожидания совершенно подтверждаются обещаниями Шмерлинга.

Программа его такова, что, без сомнения, он не найдет ни в своих товарищах, ни в лицах, указывающих путь ему и товарищам, никакого препятствия исполнению его намерений. Он начинает объявлением, что все реформы будут в точности соответствовать принципам диплома 20 [октября]. О провинциальных сеймах Шмерлинг выражается словами, из которых надобно заключить, что городским и сельским общинам будет предоставлен прямой выбор депутатов и что сословное устройство сеймов будет сохранено. Государственный совет будет, сообразно предначертанию диплома 20 [октября], состоять из депутатов, выбираемых провинциальными сеймами; но против прежних предначертаний разница будет та, что сеймы эти будут прямо выбирать депутатов в государственный совет, а не кандидатов на это звание, как говорилось в законах, составленных графом Голуховским. Это изменение, конечно, будет лестно для провинциальных сеймов, но состав их служит обеспечением, что они не злоупотребят своею обязанностью. Точно так же очень лестна будет для них и для государственного совета другая перемена, сделанная Шмерлингом в предначертаниях Голуховского: Шмерлинг говорит, что провинциальным сеймам и государственному совету дано будет право инициативы. Надобно полагать, что депеша, которой мы следуем, не совершенно точно передала в своем сокращении мысль Шмерлинга. Члены провинциальных сеймов и государственного совета могли делать предложения уже и по статутам Голуховского; вероятно, Шмерлинг говорит, что будут упрощены формы, которые должно пройти предложение, чтобы достичь до обсуждения в общем собрании сейма или совета.

Читатель видит, что Шмерлинг обещает исправить некоторые подробности предначертаний Голуховского, находя, что самые принципы предначертаний должны быть сохранены.

Должно упомянуть еще о двух чертах программы Шмерлинга, сообщаемых тою же депешою. Новый министр говорит, что по отношению журналистики «всякое предварительное вмешательство» будет прекращено. Депеша опять передает мысль программы, вероятно, не с полною точностию. Предварительного вмешательства в печатание газетных статей уже не было в Австрии и до вступления Шмерлинга в министерство. Вероятно, Шмерлинг хочет сказать, что система предостережений и выговоров, даваемых газетам, будет несколько ослаблена. Но она не будет отменена; если бы Шмерлинг говорил об этом, то депеша не могла бы передать его слов в таком виде, как передает. Кроме того, Шмерлинг обещает восстановить суд присяжных, чего и следовало ожидать, зная причину, по которой вышел он в отставку в начале 1851 года. Но депеша не говорит, чтобы намерены были применить суд присяжных к делам газет; это было бы и не совместно с характером всей программы Шмерлинга; а при устранении газетных дел от суда присяжных его

существование или несуществование относится уже к техническим интересам юстиции, а не к политической жизни.

Из всего этого надобно заключить, что назначение Шмерлинга не производит большой перемены в существовавших отношениях и что кабинет Рехберга со Шмерлингом остается на том же пути, на каком был с Голуховским. Теперь носят слухи, что граф Рехберг подает в отставку; но это также не произведет большой перемены.

Таким образом, положение дел в Австрии со времени нашего прошлого обозрения не изменило своего характера, а только продолжало развиваться по прежним расходящимся направлениям. Чувства жителей немецких провинций, Богемии и Моравии, выражаются с большою определительностию, и в начале декабря пражские чехи по случаю приезда нового правителя в Прагу произвели демонстрацию, показавшую, что они желали бы иметь правителем Богемии чистого чеха, который разделял бы их национальные стремления.

Но попрежнему ход внутренних австрийских дел зависит от венгерских обстоятельств. В прошедшем обозрении остановились мы на том, что была на неопределенное время отсрочена Гранская конференция, которую поручено было созвать кардиналу примасу Венгрии для постановления правил об устройстве будущего венгерского сейма и избирательном законе; что многие из лиц, назначенных занимать восстановленные должности жупанов или комитатских президентов, отказывались от этого назначения и в разных венгерских городах и селах происходили демонстрации, оканчивавшиеся иногда вмешательством австрийских войск. Такое положение дел возбуждало в венском правительстве мысль, не следует ли прибегнуть к решительной мере. Вот из парижской корреспонденции «Times'a» отрывок, говорящий об этом вопросе и о средстве, к которому прибегло министерство, чтобы отложить его на некоторое время:

«Париж, 7 декабря.

Литографированная корреспонденция говорит, что в министерском совете, бывшем в Вене 29 ноября, была речь о том, чтобы объявить всю Венгрию находящуюся в осадном положении; но один из министров, венгерец, настоял, чтобы до принятия такой крайней меры испытать, не принесет ли пользы поездка барона Вая в Венгрию. Барон прибыл в Пешт 30 ноября с инструкциями организации комитатов. Впечатление, произведенное в Венгрии этими инструкциями, не соответствовало надеждам, и если слухи справедливы, то инструкции содействовали увеличению волнения, которое, как видно, усиливается. Это неудивительно. Организация комитатов была основанием самоуправления, существовавшего много веков в Венгрии, самоуправление, предлагаемое бароном Ваем, венгерцы объявляют австрийским бюрократизмом. Барон Вай не признает закона, изданного об этой организации в 1848 году. Образцом он берет организацию немецких провинций, а не самоуправление старинной Венгрии. Закон 1848 года заменил выборными комиссиями общие собрания, которые составлялись по-ко-

митатам до 1848 года для выбора начальников и решения текущих дел. В 1848 году были распространены на всех граждан политические права, которыми прежде пользовались одни только дворяне, и общие собрания всех членов комитата сделались тогда физическою невозможностью. Потому они были заменены комиссиями. По закону 1848 года, эти комиссии составлялись из депутатов, свободно избираемых округами; но по инструкциям барона Вая, члены комитатских комиссий будут назначаться правителями комитатов, которые сами прямо назначаются правительством. Легко понять, что такая организация не нравится венграм. Этого мало: по инструкциям барона Вая, присяга дается императору австрийскому, а не королю венгерскому, а по венгерской конституции существует только титул короля венгерского, и диплом 20 октября говорил, что восстанавливается венгерская конституция. По инструкциям барона Вая, начальники, избираемые комитатскими комиссиями, должны быть утверждаемы центральным правительством, которое, приняв их присягу, определяет и жалованье им. Ничего подобного не существовало в Венгрии при старинной конституции. Прибавлю, что по этим инструкциям, должно быть сохранено судостроительство, введенное Бахом и Шварценбергом, должна быть сохранена и финансовая система, введенная ими. Из этого вы поймете, почему инструкции барона Вая возбудили общее порицание в Пеште и по всей Венгрии. Спрашиваете себя, чем все это кончится? Вероятно, провозглашением всей Венгрии находящеюся в осадном положении».

Носились слухи, что министры венгерских дел в венском кабинете, граф Сечен и барон Вай¹¹, выходят или увольняются в отставку и места их будут заняты предводителями умеренной венгерской партии, Деаком и Этвешом¹². Действительно, Этвешу и Деаку были делаемы предложения вступить в кабинет, или по крайней мере было спрашиваемо у них, какова была бы их программа, если бы начались с ними переговоры о вступлении в министерство. Но если очень трудно было графу Рехбергу и другим влиятельнейшим лицам согласиться на программу Шмерлинга, столь близкую к прежней программе кабинета (переговоры с Шмерлингом длились недели три, если не больше), то соглашение их с Деаком и Этвешом представляется уже полною невозможностью. Читатель помнит, что говорили мы в прошлый раз о венгерских партиях: умеренная венгерская партия состоит из людей, действовавших вместе с Кошутом до той самой поры, когда в Венгрии провозглашена была республика,— только этого шага не захотели они сделать, а в составлении всех законов 1848 года помогли они Кошуту. Мы говорили в прошлый раз, что законами 1848 года Венгрия была обращена в государство, совершенно отдельное от остальной Австрии, так что венское правительство должно было находиться к венгерскому правительству в отношениях, какие имеет французское правительство к английскому или датское к шведскому. Шмерлинг был членом министерства, которое вело с венграми войну для отменения этих законов, а партия Деака и Этвеша составляла половину венгерских армий, сражавшихся тогда против австрийцев. Не только графу Рехбергу, который, как мы читали, кажется слишком либеральным для лиц, определяющих

путь венского министерства, но и Шмерлингу, который едва мог по своему либерализму сойтись с Рехбергом, невозможно заседать за одним столом с Этвешом и Деаком. Потому Сечен и Вай остались на своих местах, и посольство Вая в Венгрию имело успех: ему удалось убедить, — не венгров, а графа Рехберга, — что надобно поступать осторожнее, чем хотели люди, думавшие возобновить осадное положение в Венгрии. Своих соотечественников барон Вай не мог склонить к уступчивости, но венское министерство из его отчета о состоянии умов на его родине увидело надобность дать венграм возможность устроить администрацию комитатов и явиться на Гранскую конференцию.

Сначала скажем о Гранской конференции. Читатель помнит, что по диплому 20 [октября] предполагалось, чтобы избирательный закон для будущего венгерского сейма был составлен не венским министерством, а собранием тех венгерских магнатов, которые сочувствуют графу Сечену и графу Рехбергу. Но эти магнаты, или так называемая старая консервативная партия, обманулись в своем понятии о своих отношениях к чувствам венгров. Граф Сечен и барон Вай увидели, что собрание, составленное из членов одной их партии, было бы очень непопулярно и его решения были бы не приняты венграми. Предполагалось определить на Гранской конференции такие правила для выборов, чтобы на будущем сейме большинство принадлежало старой консервативной партии, как статутами сеймов по другим провинциям оно предоставлялось дворянству и духовенству. Оказалось, что напрасно и созывать конференцию из одних лиц, содействие которых было обеспечено. Умеренная национальная партия говорила, что явится на конференцию ни за чем иным, как только за провозглашением ненадобности и невозможности составлять новый избирательный закон, потому что закон 1848 года сохраняет полную силу. Барон Вай, посетив родину, убедил своих товарищей по кабинету, что хотя умеренная национальная партия не отступит от этого принципа, но без ее участия нельзя составить конференции, а отлагать конференцию значит поступать неблагоприятно. Венский кабинет уступил необходимости. Следующий отрывок из венской корреспонденции «Times'a», показывающий результаты поездки барона Вая, с тем вместе объяснит читателю причины, по которым была сделана уступка:

«2 декабря кардинал-примас Венгрии разослал к некоторым влиятельным лицам (числом до 100 человек) приглашения собраться в Гране 17 декабря. «Целью собрания (говорит примас) будет решение вопроса об избирательном законе, по которому должен сформироваться сейм». Достопочтенный прелат пишет унылым тоном, — оно так и должно быть, потому что три четверти его соотечественников отказывают в повиновении правительству. Положение дел в Венгрии — чисто революционное».

Мы не будем приводить всех известий о многочисленных демонстрациях, происходивших по всей Венгрии. Довольно будет

сказать, что во многих местах сняты были австрийские гербы и заменены венгерскими; разумеется, не обходилось при этом без нанесения оскорблений снимаемым гербам, и австрийские начальства бездейственно смотрели на все это, потому что решительные меры повели бы к открытому восстанию. 17 декабря собралась в Гране конференция, созванная примасом; большинство лиц, приглашенных им, были люди старой консервативной партии, лишь меньшинство принадлежало к умеренной национальной партии; но общественное мнение так тяготело над собранием, что большинство молчало и молча принимало предложения меньшинства, ораторы которого прямо тем и начали, что избирательный закон 1848 года сохраняет свою силу и оставался до сих пор бездейственным лишь вследствие того, что законный порядок был отстраняем разными обстоятельствами и отклонениями. Возражений против этого не было никаких, и потому конференция кончила все свои занятия в одно утреннее заседание, продолжавшееся не более трех с половиною часов. Она единогласно решила представить венскому правительству, что выборы на сейм должны быть произведены по закону 1848 года.

Несколькими днями раньше Гранской конференции происходила так называемая «организация» пештского комитата. Читатель знает, что вследствие победы над венграми в 1849 году был отменен венгерский порядок администрации, главную черту которого составляло разделение страны на комитаты, самостоятельно управлявшие своими внутренними делами. Все лица, пользовавшиеся политическими правами, составляли так называемую конгрегацию или комитатское собрание, которое определяло бюджет комитата, выбирало всех комитатских чиновников и судей. Только в одну должность назначало центральное правительство или, по тогдашнему выражению, назначал король. Эта должность была звание верховного комитатского графа или жупана (*Obergespan*), бывшего президентом общих комитатских собраний и, кроме этой почетной обязанности, не имевшего почти никакой власти. Жупан созывал комитатские собрания в определенные сроки или по желанию жителей комитата. В промежутках от одного собрания до другого делами комитата управляла комитатская комиссия, избираемая конгрегациею. До 1848 года политические права в Венгрии имели не все жители, а только дворяне, лица, пользовавшиеся дворянскими правами по своей профессии (учители, медики и другие люди, занимавшиеся трудами, требующими образованности) и граждане независимых городов. В 1848 году все политические права были даны всему населению Венгрии, без различия сословий. По завоевании Венгрии были уничтожены и комитатские комиссии, и комитатские конгрегации, и звание жупанов, и самое разделение Венгрии на комитаты. Страна была разделена на 5 округов, управлявшихся военным порядком и имевших главными своими началь-

никами генералов, командовавших войсками в округах. По диплому 20 октября, надобно было приступить к восстановлению комитатского управления. Мы видели инструкции, по которым предполагалось устроить это дело. Если бы инструкции были исполнены, то организация комитатов получила бы характер, несогласный с устройством, существовавшим до их уничтожения и администрация велась бы бюрократическим способом, как ведется в других провинциях Австрийской империи. Разница от управления, отменявшегося дипломом 20 октября, заключалась бы главным образом в том, что на место 5 больших округов учредилось бы, под названием комитатов, 39 не столь больших округов, совпадающих своими границами с границами прежних комитатов. Но для соблюдения сходства надобно было дать начальникам комитатов прежнее имя жупанов. Это имя необходимо заставляло назначить начальниками комитатов людей, пользующихся почетом в своих комитатах, потому что с названием жупана соединялось понятие сана очень высокого. При известном нам настроении умов, такое обстоятельство произвело результат, расстроивший все предначертания графа Сечена и барона Вая. Мы увидим ход дел по всей Венгрии из одного примера, — из примера пештского комитата.

Пештский комитат — самый значительный в Венгрии по числу населения; еще более важности приобретает он оттого, что в нем лежит национальная столица, которая притом далеко превосходит все остальные венгерские города своею обширностью. Что решено в Пеште, обыкновенно бывает решено всею Венгрию. Президентом пештского комитата назначен был прежний жупан граф Кароль с титулом не жупана, а только администратора. Надобно объяснить смысл этой разницы. При Меттернихе, когда происходили несогласия между венским правительством и венгерским сеймом, комитатские комиссии отказывались исполнять распоряжения венского министерства, данные в противность сейму. Тогда венское министерство распускало непокорную комитатскую конгрегацию, отрешало непокорную комитатскую комиссию и отстраняло от должности непокорного жупана. Управление комитатом передавалось чиновнику австрийского правительства, называвшемуся администратором. По венгерским законам такая должность не существовала. Потому и титул администратора, данный теперь президенту пештской комитатской конгрегации, служил указанием, что надобности венского министерства продолжают стоять выше венгерских законов. Кароль не захотел принимать президентства в пештском комитате, когда узнал, что министры думают назвать его не жупаном, а администратором. Но через несколько дней согласился принять должность, увидев, что может сам изменить характер дела. Как смотрел он на положение Венгрии, обнаружилось уже самыми словами приглашения,

которым он созывал комитатскую конгрегацию: он говорил, что из комитатского сейма, назначенного в 1848 году, многие члены убиты или умерли, потому, говорил Карольи, комитатская конгрегация сзывается для избрания новых лиц на вакантные места, оказывающиеся теперь в составе комитатского сейма 1848 года. Ясно было, что Карольи предполагает комитатский сейм 1848 года сохранившим законное существование, только на время устраненным от исполнения своих обязанностей разными отношениями, а теперь снова вступающим в свои права. 10 декабря собралась в Пеште комитатская конгрегация; о ее действиях мы не будем рассказывать сами, а только приведем отрывок из пештской корреспонденции «Indépendance Belge»:

«Пешт, 11 декабря.

Административная и политическая организация пештского комитата совершилась вчера с большою торжественностью. Весь город был в этот день украшен национальными знаменами, а вечером без всякого предварительного соглашения иллюминирован; весь он принимал участие в этом важном акте, которым первый комитат Венгрии снова вступил, так сказать, во владение своими правами. Действительно, таков и был характер вчерашнего собрания. Прямо, не колеблясь, возвратились к законам 1848 года.

При самом начале заседаний граф Карольи, назначенный администратором комитата, объявил, что снова вступает в ту самую должность, какую занимал в 1848 году и от исполнений которой в течение последних одиннадцати лет был устранен. Все собрание восторженно аплодировало этим словам, и после того уже нечего было говорить об инструкциях барона Вая. Сам собою разрешился и вопрос, о котором столь жарко спорили две недели тому назад: принимать ли графу Карольи даваемый ему титул администратора или требовать, чтобы ему дали титул жупана: граф Карольи не получает теперь никакого титула, он просто восстанавливает за собою титул и обязанности, принадлежавшие ему в 1848 году, а закон 1848 года не знает об администраторах, он знает только о жупанах.

Таким образом, пока официальные газеты рассуждают, можно ли, и в какой степени можно, восстановить законы 1848 года, венгерские государственные люди восстанавливают законы 1848 года. Теперь барон Вай разве только открытым военным действием мог бы воспрепятствовать этому восстановлению: венгры молча отстраняют инструкции и распоряжения, противные желанию нации.

В заключение замечу один факт, не лишенный значения. В число членов новой комиссии пештского комитата выбран граф Владислав Телеки, бывший венгерским посланником во время диктатуры Кошута».

Кроме выборов, конгрегация пештского комитата занялась также совещаниями о нынешнем положении дел, и приняла три решения. Во-первых, она определила, что барон Вай незаконно принял звание венгерского придворного канцлера; во-вторых, конгрегация решила, что налоги, установленные и собираемые без согласия сейма, собираются неправильно; в-третьих, она объявила, что надобно как можно скорее собраться сейму на основании законов 1848 года и что все эти законы должно признать сохранившими свою силу.

Почти все другие комитаты уже последовали или решились

следовать примеру пештского комитета. Вот из венской корреспонденции «National-Zeitung» отрывок, объясняющий положение, в которое поставлены дела решениями комитатских конгрегаций и Гранской конференции:

«Вена, 20 декабря.

После Гранской конференции увеличилась деятельность венской придворной канцелярии: старая консервативная партия надеется укрепиться так, чтобы не выпустить власть из своих рук; но, не рискуя ошибиться, можно сказать, что на предстоящем сейме будут господствовать приверженцы законов 1848 года и что сейм этот разве лишь по необходимости уступит центральному правительству какие-нибудь из прав, приобретенных тогда. Надобно думать, что тут все зависит от внешних отношений Австрии: если сохранится мир, то венгры могут согласиться на условия, довольно выгодные для Австрии; если же будет война, то венгры постараются приобрести себе самостоятельность. Теперь взимание всех косвенных налогов в Венгрии стало делом сомнительным, а следующей весной венгры, быть может, не станут платить и налога с земель, которые засеваются табаком. Что станет делать с этим обессиленное министерство финансов?»

Будущий ход дел в Венгрии, — не в одной Венгрии, а в целой Австрийской империи, — зависит еще больше, чем от вопроса о войне или мире с Италией, от другого отношения, судить о котором чрезвычайно трудно, — от примирения или от возникновения прежней борьбы между венграми и невенгерским населением прежнего Венгерского королевства. Читателю известно, что вражда всех невенгерских национальностей, в особенности сербов и кроатов, с венграми была коренною причиною торжества Австрийской империи в 1849 году. В статье, которую найдет читатель в нынешней книжке «Современника», г. Костомаров¹³ говорит, что история не знает безусловно правых и безусловно виновных, что каждая нация, каждое сословие, каждая партия бывают правы с своей точки зрения. Очень может быть; но зато история знает различие между действиями, ведущими к предположенной цели или отнимающими возможность достичь ее. Результат показал, что венгры и южные славяне поступали в 1848 году в своих отношениях друг к другу очень безрассудно — так безрассудно, что едва ли можно решить, которая сторона была безрассуднее. Мы перечитывали теперь два лучшие сочинения о причинах этой борьбы, — одно, писанное венгерцем в защиту венгров, другое, писанное сербом в защиту южно-венгерских славян: «Die serbische Bewegung in Südungarn», изданное без имени автора, и «Histoire politique de la révolution de Hongrie par Daniel Irgany». Странное, неправдоподобное впечатление произвели на нас эти апологии, обе написанные людьми очень умными, отлично знакомыми с делом. Когда мы читали книгу венгерца, доказывающего, что справедливость была на стороне венгров, что сербы и кроаты или вовсе не имели причин к недовольству, или получили полную возможность примириться с венграми перед началом войны, — нам казалось, что справедливость вся на стороне сербов и кроатов, что венгры, притесняв-

шие их прежде, не хотели весною 1848 года удовлетворить их основательным требованиям, поставили их в необходимость начать войну и поддерживать противников венгерской независимости¹⁴. Когда мы читали книгу серба, доказывающего те самые мысли, к которым привела было нас книга венгерца, написанная против этих мыслей, — когда мы читали апологию сербов и кроатов, нам стало казаться напротив, что венгры предоставляли славянам все, чего хотели славяне, что у сербов и кроатов не оставалось никаких серьезных причин враждовать против венгров, когда они начали войну с венграми. Такая странная противоположность впечатления, производимого книгою, с впечатлением, какое имел в виду автор, служит самым ясным доказательством безрассудства тогдашних претензий нации, которую он защищает.

У нас, по нашей славянской крови, господствует между людьми, мало знакомыми с подробностями тогдашних событий, расположение винить исключительно венгров, оправдывая славян. Просим же читателя прочесть хотя следующие отрывки из книги серба, — мы переводим страницы, излагающие важнейший момент дела, — момент, которым, по справедливому замечанию самого автора, решена была в уме сербов необходимость воевать против венгров.

Предварительно надобно заметить, что только с половины марта 1848 года национальная мадьярская партия увидела в своих руках власть над судьбою Венгерского королевства и могла приняться за коренные реформы. Все в Венгрии изменялось этою национальною партией. Она уничтожала крепостное право почти без выкупа. Масса славянского населения в Венгрии состояла тогда из крепостных крестьян; если какая из наций Венгерского королевства получала наибольшую выгоду от этой реформы, то, конечно, славянская нация; если приносились тут в жертву интересы помещиков, то наибольшую часть этой жертвы должны были нести люди мадьярской нации, потому что в сословии помещиков было несравненно больше мадьяр, чем славян. Точно таковы же были все другие реформы, которые начал производить весною 1848 года венгерский сейм, состоявший почти исключительно из мадьяр; если какая нация наиболее выигрывала от каждой из этих реформ, то, без всякого сомнения, славянская. Откуда мы выводим такие заключения? Из книги, написанной сербом, из фактов, им перечисляемых. Если вы хотите убедиться, что действительно такие выводы следуют из его рассказа, прочтите следующий очерк впечатления, произведенного на его соплеменников, венгерских сербов, реформами, начатыми мадьярскою национальною партией:

«Неудовольствие против венской системы так глубоко коренилось во всех слоях (сербского) общества, было так одинаково во всех (сербских) партиях, что и здесь (в краю Венгрии, населенном сербами) точно так же,

как в Пресбурге (то есть в тогдашней столице мадьярства), оборот политических дел превозмог на минуту национальные антипатии и желания. И в городах, и в селах (сербских) стремились воспользоваться приобретенными правами, и серб становился в ряды (национальной гвардии) подле мадьярского поселенца. Все неудовольствие казалось исчезнувшим. В Нейзаце и Темешваре (двух главнейших городах сербского края) были с восторженными криками приняты 12 статей пештской просьбы 16 марта (просьбы, составленной мадьярами и излагавшей программу крайней мадьярской партии, той самой, которая имела своим предводителем Кошута); в Нейзаце реформы (сделанные мадьярским сеймом) были приветствованы 101 пушечным выстрелом, и духовенство четырех исповеданий (католического, православного, протестантского и еврейского) отправило благодарственную службу за совершившиеся события, о которых каждый твердо думал, что они прекратят борьбу национальностей. Если некоторые города (сербские) в своих благодарственных адресах (мадьярскому сейму) прибавляли желание, чтобы сербский язык, сербская вера оставались неприкосновенны, то они прибавляли это в несомненной уверенности, что новое (мадьярское) министерство не может и не будет поступать иначе, как по этому принципу» («Die serbische Bewegung», стр. 49—51).

Читая эти страницы сербской апологии, вы никак не можете ожидать, что через пять страниц, в которых нет ровно ни одного факта, сколько-нибудь относящегося к мадьярскому делу, автор скажет: «и так война была решена». Чем же решена была она? По его собственному изложению — вот чем. Средоточием общественной жизни у венгерских сербов был тогда Нейзац. Мы уже читали, что, подобно другим сербским городам, он принял начатые мадьярским сеймом реформы с восторгом; был составлен адрес с выражением сочувствия и признательности нейзацких сербов и с выражением их желаний; была выбрана депутация для поднесения этой просьбы мадьярскому сейму; она явилась в залу мадьярского сейма, была встречена при входе, была сопровождена при выходе из залы единодушными криками восторга и сочувствия всего мадьярского сейма, получила уверения, что будут исполнены все желания сербского народа, — и вот этим-то приемом сербской депутации обнаружилась для этой депутации и для всех венгерских сербов необходимость воевать с мадьярами. Вы не верите? вы думаете, что наши слова — насмешка над здравым смыслом? Извольте же читать следующий буквальный перевод из книги серба, которою мы руководимся:

«В Нейзаце изложили желания сербской нации в 17 пунктах и решили предложить их к принятию пресбургскому сейму через депутацию. Умеренность этих желаний по вопросу о языке и расположенность к примирению выражается в следующем требовании, которое было поставлено первым.

Как признают сербы дипломатическое значение мадьярской народности, точно так ожидают они и признания и уважения своей народности в отношении к их внутренним делам.

Вопрос о желании или нежелании принадлежать к Венгерскому королевству не был и возбуждаем. Никому не приходило в голову думать об отделении от Венгрии.

8 апреля явилась эта депутация в заседание сейма, была представлена

ему Людвигом Кошутом и встречена единогласными приветствиями всех членов сейма.

Александр Костич, оратор депутации, выразил от имени 12 тысяч нейзацских сербов ожидание, что сейм одобрит представленную просьбу, и объявил, что сербская нация готова жертвовать имуществом и жизнью за Венгерское королевство.

Кошут отвечал с министерской скамьи, что народности будут уважаемы, но что каждому понятно, что мадьярский язык должен быть одною из связей, соединяющих все части Венгрии; что мадьяр охотно предоставляет сербам участие в свободе, которую приобрел, но за то справедливо надеется, что его язык — связь, соединяющая с ним нации, с которыми он делится свободой».

Палата проводила криками *eljen!* удаляющуюся депутацию. Но министром были сказаны слова, не располагавшие сербов думать, что либеральное министерство хочет прекратить угнетение сербского языка. Горечь этой мысли усиливалась оскорбительностью фразы, которая породила впоследствии столько непримиримой ненависти и отняла столько симпатий у произносивших ее, — фразы, исполненной несправедливого самохвальства. Мадьяр говорил, что охотно дает сербам «участие» в свободе, которую приобрел «он». Известно было, что переворот в ходе дел для всей Австрии решен был венскими событиями и что победа либеральной партии венгерского сейма была только следствием венской победы. Но независимо от надменного самохвальства, оскорбительность этой, повторявшейся потом в бесчисленных речах, фразы придавалась тем, что она косвенно говорила о супрематстве мадьярского племени. Поэтому депутация покинула залу с неприятной уверенностью, что правительство считает мадьярскую нацию выше сербской и что с мадьярской точки зрения считается добровольною милостью согласие мадьяр не исключать сербов от пользования новыми правами. Депутация решила отправиться в квартиры министров, чтобы получить более точные объяснения.

«Министр-президент принял их как депутатов верного «венгерского» рода Нейзаца и уверял их, что будут уважены все их желания, какие только согласны с интересами Венгерского государства.

Кошут сказал: «господа! вы требуете уравниения с благородною мадьярскою нациею. Это справедливо, и мадьярская нация охотно согласится, чтобы вы разделяли с нею все политические права».

«Мы считаем нужным, г. министр, сказал один из депутатов, обратить ваше внимание на то, что живущие в Венгрии сербы ожидают также признания священнейшего из своих обычаев — своего языка. Сербская нация совершенно различна от мадьярской и не желает несправедливого, когда хочет быть признана за отдельную нацию, как сама признает мадьярскую, с которою готова оставаться в одном государстве, под одним законом».

«— Что разумеете вы под словом нация?» — спросил министр.

«— Племя, имеющее свой особый язык, свои нравы, обычаи, свое развите и стелько сознания, чтобы хранить их», — отвечал депутат.

«— Мы не желаем иметь, особого правительства, — сказал другой депутат. — Одна нация может быть разделена между несколькими правитель-

ствами, и несколько наций могут быть соединены под одним правительством. Пример первого — немцы, доказательством второго служит Трансильвания, не говоря о всей Австрии».

Министр, легко раздражавшийся всяким возражением, казался нерасположен продолжать это прение и коротко сказал, что интерес мадыарской нации требует, чтобы, кроме нее, не считалось другой нации в государстве.

Третий депутат обратил внимание министра на брожение между южными славянами, усиливающееся уже несколько лет. «Я боюсь, что оно приведет к явному разрыву, продолжал он, если южные славяне увидят себя обманувшимися в ожидании, что новое положение дел прекратит стеснение их языка; они станут искать в другом месте признания прав, если откажет им Прессбург».

«— В таком случае решит меч», отвечал Кошут и удалился в свой кабинет.

Эта минута породила сербскую войну со всеми ее ужасами и опустошениями».

Этот рассказ будет вполне оценен читателем, когда мы разъясним специальный смысл слова «нация» в тогдашней политической терминологии Венгерского королевства. Читатель видит, что сами сербы совершенно соглашались, чтобы в совещаниях сейма и в государственных делах мадыарский язык оставался официальным: они желали только того, чтобы их самих не стесняли в употреблении сербского языка, и читатель видел, что мадыарский сейм совершенно согласен был с этим требованием. С этого и начался разговор между сербскою депутациею и Кошутом на квартире Кошута. Странно после этого дальнейшее прение о слове «нация». Что тут толковать, нация или не нация сербы, когда мадыары с первого же слова говорят, что сербская национальность будет для них священна? Но вы видите, что Кошут совершенно растерялся и заговорил совсем иным тоном, когда сербские депутаты сказали, что сербы хотят составлять «нацию». Дело в том, что по официальной терминологии Венгерского королевства слово «нация» обозначало не народность, а государство, относилось не к языку, а к независимому правительству. По этой терминологии Бавария, Вюртемберг и Баден составляют три нации, а французы, итальянцы и немцы, населяющие Швейцарию, составляют одну нацию, именно швейцарскую нацию, то есть, по нашему способу выражения, Швейцарское государство. Когда сербы заговорили мадыарам: «мы хотим составлять нацию», мадыары поняли под этим словом желание сербов составить отдельное королевство, оторваться от Венгрии, чего сербы вовсе не хотели. Разве не знала сербская депутация, что своим образом выражения она возбудит в мадыарах совершенно не то понятие о своих чувствах, какое хочет возбудить? А если б она и не знала этого (чего нельзя предположить), то ведь Кошут прямо указал на это. Почему же сербские депутаты продолжали употреблять слово, не соответствовавшее надобностям их дела? Сербская депутация

как будто нарочно подыскивала предлог для ссоры, как будто нарочно затеяла ненужный спор, чтобы договориться до надобности начинать войну. Если можно что-нибудь сравнить, по удивительной нелепости, с этим совершенно диким упрямством в употреблении ошибочного термина, то разве только удивительную наивность, с которою сербский историк выставляет смертельной обидою для сербов со стороны мадьяр употребленное мадьярами выражение, что мадьяры с радостью дают сербам участие в приобретенных правах. Казалось бы, что тут обидного? «Нет, говорит сербский историк, как смели сказать мадьяры, что дают нам участие в своих правах?» Да как же иначе было выразиться мадьярам?

Таковы оказываются причины, возбудившие сербов к войне с мадьярами весною 1848 года. Нельзя найти ничего более неосновательного, более напрасного. Новыми реформами отстранялась всякая надобность вражды, но сербы начали войну и, восторжествовав над мадьярами, увидели себя в положении, худшем того предшествовавшего реформам положения, за которое стали воевать с мадьярами, когда оно прекращалось реформами, предпринятыми мадьярским сеймом без всякого принуждения от сербов.

Но мы уже говорили, что в таком безрассудном свете представляется образ действий южных венгерских славян в 1848 году лишь по изложению дел самими этими славянами, пишущими в свое оправдание. Если же мы станем читать книги об этом предмете, написанные мадьярами в защиту мадьярской стороны, то мы увидим, что и мадьяры были не менее безрассудны: в мадьярских книгах прискорбное впечатление производит тщеславие, с которым мадьяры хвалятся, что историческая справедливость и юридические документы были на их стороне, когда при всем том и самим мадьярам и славянам до реформ 1848 года было тяжело.

С той поры многое изменилось, как уверяли нас в последнее время и мадьяры, и южно-венгерские славяне. Газеты уже несколько лет наполнялись описаниями демонстраций, выражавших примирение кроато-сербской национальности с мадьярскою. Мадьяры основывали на свой счет славянские училища, библиотеки, музеумы для славян; устраивали славянские спектакли и являлись на них, чтобы аплодировать славянским звукам; устраивали процессии, в которых славянские знамена развевались вместе с мадьярскими; то же делали и славяне в честь мадьяр. Много было торжеств, на которых славянское население фратернизировало с мадьярским. Всему этому соответствовали и программы о устройстве Венгерского королевства, составлявшиеся предводителями мадьярской национальной партии.

Сущность мадьярских предложений такова: каждый сельский округ и каждый город управляют своими делами совершенно

самостоятельно, без всякого постороннего вмешательства, и сами решают, на каком языке должно быть ведено преподавание в школах, содержимых на общественный счет, на каком языке должны быть производимы административные и судебные дела; иначе сказать, в сербских селах и городах должен господствовать сербский язык, в словацких — словацкий, в румынских — румынский, в мадьярских — мадьярский; но каждому частному человеку предоставляется основывать школы с своим национальным преподаванием, объясняться в суде и с должностными лицами на своем родном языке. Точно то же определяется и для каждого комитата: официальный язык комитата — язык большинства его жителей, а люди других национальностей ведут дела в комитатских судах и с комитатскими правительственными местами каждый на своем языке. Каждый сельский округ или город сносятся с комитатом на таком языке, на каком хочет сам, и каждый комитат сносятся с центральным правительством, также на каком хочет языке. Наконец и в совещаниях центрального правительства каждый из членов этого правительства говорит на таком языке, на каком ему самому приятнее. Если всего этого еще мало для ограждения национальности, то люди каждой национальности могут составлять союз для ограждения своей национальности от всяких притеснений, для содействия ее развитию или для доставления ей всего желаемого влияния на ход государственного законодательства и управления. При этом надобно заметить, что государственный сейм, управляющий делами, составляется из депутатов, выбираемых разными краями государства пропорционально населению, так что число представителей каждой национальности будет составлять в сейме приблизительно такую же пропорцию, какая принадлежит людям этой национальности в общем населении Венгрии. Если славян в Венгрии больше, чем мадьяр, то и на венгерском сейме славянских депутатов будет больше, чем мадьярских, а все законодательство и управление государственное зависит от большинства депутатов.

Что же теперь будет? что возьмет верх в отношениях между мадьярами и венгерскими славянами? прежние ли предания об угнетении славянской народности мадьярами будут руководить действиями венгерских кроатов и сербов, или пойдут славяне по недавнему пути примирения? Быть может, опыт последних 12 лет не пропадет даром; но есть признаки, заставляющие предполагать, что венское министерство успеет склонить южных славян к борьбе с венграми, как склонило их весною 1848 года.

Надобно сказать, что сами венгры обнаружили склонность повторить прежнюю свою ошибку. Одною из главных причин, по которым не могут они принять устройства, предначертанного дипломом 20 октября, они выставили то, что Венгерское коро-

левство не восстановлено в границах 1848 года, не присоединена к нему Сербская Воеводина, отделенная от него после победы австрийцев, и не восстановлено соединение Трансильвании с Венгерским королевством, совершенное в 1848 году. Следует объяснить национальное положение в этих двух областях.

Южный край прежнего Венгерского королевства распадается на две половины, восточную и западную, из которых каждая имеет свои очень значительные особенности по отношению к вопросу о национальностях.

В западной половине, в так называемых королевствах Кроатском и Славонском, все население — славяне, не перемешанные ни с каким другим племенем. Магьяры признают за эту землю право составлять отдельное целое, соединенное с Венгерским королевством только федерациею. Если бы дело шло лишь об этом, магьяры и кроаты легко согласились бы в своих желаниях. Но на юг от Кроацции и Славонии лежит еще австрийская провинция, населенная тем же племенем, — Далмация, давно отделенная австрийцами от Кроацции с Словониею и от Венгерского королевства. Она желает соединиться с Кроацциею и Славониею, которые также желают, чтобы она была возвращена к ним. Посмотрите же, как запутывается дело этим обстоятельством. Жителям Кроацции и Славонии кажется, что самый верный способ исполнить общее желание их и Далмации будет — выпросить согласие венского министерства на это соединение. Они уже отправили в Вену депутацию с просьбою о том, и газеты говорят, что венское министерство приняло депутацию благосклонно. Если оно исполнит просьбу, оно, вероятно, привлечет славян Кроацции и Славонии на свою сторону и приобретет возможность обратить их против магьяров, как обратило в 1848 году.

Другой шанс к тому же самому представляется отношениями восточной половины южного края Венгрии или так называемой Сербской Воеводины. Эта провинция, составлявшая прежде несколько комитатов Венгерского королевства, населена не одними славянами, как Славония и Кроацция: славяне, которые многочисленнее каждого из других племен этого края, населяют одинаково только западную часть его, да и то не всю, — узкая полоса по северному краю Сербской Воеводины населена венграми; восточная часть Сербской Воеводины населена румынами; кроме того, и в румынской, и в сербской половинах Сербской Воеводины находится много городов, главное население которых составляют магьяры. Но из этих трех племен славяне, будучи самым многочисленным, имеют стремление господствовать во всей области, как магьяры имели до 1848 года стремление господствовать во всей Венгрии. Славяне Сербской Воеводины — сербы, — по своему языку составляют одно племя с славянами Кроацции и Славонии; но эти славяне, вообще называемые кроа-

тами,—католики, а сербы в Воеводине—православные. Магьяры уверяют, что различие исповеданий помешало бы кроатам и сербам составить одно целое; по всей вероятности, это правда, по крайней мере относительно нынешнего поколения. Но, будучи разделены, кроаты и сербы не имеют случая почувствовать, что не могли бы совершенно сойтись между собою, пока не перевоспитаются; они только еще сочувствуют друг другу, не встречая поводов к раздору. Если сербы Сербской Воеводины вздумают бороться с магьярами, кроаты непременно захотят помочь им.

Возможность борьбы кроатов с магьярами лежит в отношениях не самих кроатов к магьярам, а в отношениях Далмации к австрийскому правительству и в делах Сербской Воеводины. Но сербы Сербской Воеводины могут быть вызваны на борьбу неосторожностью магьяр по отношению к ним самим. Мы говорили, что Кроацкия и Славония до 1848 года не входили в состав собственно Венгерского королевства, а были особенным краем, соединенным с этим королевством, что магьяры и теперь не имеют претензии вводить этот край в состав Венгерского королевства иначе, как по формальному договору с кроатами. Не так думают они о Сербской Воеводине, которая входила прежде прямым образом в состав собственно Венгерского королевства. Они прямо говорят, что Сербская Воеводина должна быть возвращена к нему без всяких переговоров с нею: они полагают, что большинство жителей Сербской Воеводины горячо разделяют такое желание. В этом они ошибаются. Очень может быть, что, если спросить теперь самих сербов и румынов Сербской Воеводины, захотят ли они возвратиться в состав Венгерского королевства, они скажут, что согласны на это. Но говорить об этом, не спросив их, как делают магьяры, значит — оскорблять их самолюбие, раздражать их. Сколько бывает таких случаев, что люди неспрошенные начинают говорить «нет» только потому, что не были спрошены заблаговременно. Нельзя не опасаться за развитие отношений магьяр к Сербской Воеводине: их опрометчивыми словами о ее присоединении, вероятно, уже значительно испорчено дело, которое могло бы устроиться очень согласно при большей осмотрительности.

Но и при всевозможной осмотрительности магьяр в отношении к сербам Воеводины представляется сильное сомнение в том, показалось ли бы для венгерских сербов приятно присоединение к Венгрии. Эти сербы составляют небольшую часть великого сербского племени, главная масса которого живет в пределах Турецкой империи. Давно уже думает оно о соединении в одно государство, зерном которому послужит нынешнее Сербское княжество. Сербское княжество в 1848 году помогало венгерским сербам. Магьяры не могут достигнуть осуществления своих желаний без победы над австрийскими войсками. Борьба магьяр с австрийскими

войсками повела бы сербов Турецкой империи к мысли о соединении, и венгерские сербы почувствовали бы влечение соединиться с своими турецкими единоплеменниками.

Если трудным представляется дело Сербской Воеводины, то и трансильванские отношения оказываются подобно сербским. Мадьярское племя населяет две местности, разрезанные одна от другой иным племенем. Главная масса мадьяр занимает центральную часть собственно Венгерского королевства. Другая, несравненно меньшая масса мадьяр занимает восточную часть Трансильвании. Связанные между собою горячим национальным чувством, эти две группы мадьярского племени не могут вынести мысли, чтобы не составлять им обоем одного целого. Но как юго-западная граница собственно Венгерского королевства занята славянским племенем, так восточная и юго-восточная часть его занята румынским племенем; оно же занимает все пространство Трансильвании на запад от мадьярского края Трансильвании и составляет огромное большинство ее населения. Присоединить Трансильванию к Венгрии — значит положить новое препятствие соединению целой трети румынского племени с двумя другими третями его, уже соединившимися в одно государство. Как венгерские сербы могут соглашаться на свое присоединение к Венгерскому королевству, только пока не имеют близкой надежды на соединение свое с турецкими сербами в одно государство, так трансильванские румыны могут соглашаться на присоединение Трансильвании к Венгрии, лишь пока не имеют близкой надежды соединиться с Валахо-Молдавским государством.

Читатель видит, как трудно ожидать, чтобы мадьяры не встретили в южных славянах и румынах сопротивления своим желаниям, если останутся при мысли восстановить Венгерское королевство в прежних границах и присоединить к нему Трансильванию. Единственным выходом из всех затруднений было бы, если бы они решительно приняли идею федеративного устройства земель, лежащих по Дунаю от Пресбурга до Черного моря. Тогда они нашли бы сочувствие и в кроатах, и в сербах, и в румынах, и в чешско-словацком племени, населяющем северный край Венгерского королевства. Кто принимает федеративную мысль, находит разрешение всех запутанностей. Северо-западный край союза составляет земля чешско-словацкого племени; к юго-востоку от него лежит земля мадьярского племени, два куса которой легко могут быть соединены узкою полосой мадьярских поселений, почти непрерывно идущих от западной массы мадьярской земли к восточной трансильванской массе ее; на юг от мадьярской земли лежит сербская; к востоку от сербской — болгарская; к северу от болгарской и к востоку от мадьярской — румынская. Все эти земли почти равны между собою по населению, простирающемуся у каждого племени от 5 до 7 миллионов, немногим больше или немногим меньше. Но трудно

сказать, скоро ли увидят надобность принять такое воззрение мадьяры, мечтающие о прежних границах Венгерского королевства, соединенного с Трансильваниею, мечтающие о государстве, которое было бы соединено с частями словацкой, сербской и румынской земель. На близость мадьяр к принятию федеративной идеи указывают всеобщие газетные слухи о сношениях мадьяр с турецкими сербами и с правительством Валахо-Молдавского государства; но против этого говорят претензии мадьяр восстановить свое королевство в прежнем объеме. Можно полагать, что сами мадьяры расходятся между собою во мнениях и надеждах по этим вопросам. Мы не хотим предугадать, какое мнение одержит верх между ними; а интересно было бы и предугадать, потому что при одном решении дело пойдет совершенно иначе, чем при другом.

Об Италии, как и в прошлом обозрении, мы не имеем сказать почти ничего нового. Гаэта все еще держалась, по последним известиям, какие были во время составления этого обзора. С ее падением прекратятся и внутренние беспорядки, производимые надеждою приверженцев прежнего правительства на возможность восстановить его следующей весной при помощи Австрии. Французская эскадра все еще продолжала запрещать итальянскому флоту начать осаду крепости с моря, и газеты теряются в догадках о том, какие побуждения имеет император французов, действуя таким образом. Нам кажется, что гадать тут не о чем: он продолжает следовать политике, которой неуклонно держался с самого Виллафранкского мира.

В самой Франции успел уже сильно охладеть интерес, возбужденный декретом 24 ноября, говорившим о расширении прав свободного прения в законодательном корпусе по политическим вопросам. Оказалось, что основателем был взгляд полуофициальных газет, объяснявших, что ошибаются партии, придающие этому декрету слишком большое значение. Когда все убедились, что он действительно не предназначен к произведению значительных перемен в существующем устройстве, то, естественно, перестали много заниматься им. Следующий отрывок из парижской корреспонденции «Times'a» сообщает подтверждаемые другими газетами известия о способе, каким произошел декрет:

«Париж, 4 декабря.

Какова бы ни была истинная причина императорского декрета 24 ноября, какова бы ни была ценность данных в нем уступок и каков бы ни был дух, в котором будут исполняться эти уступки, но достоверно то, что происхождение декрета надобно приписывать исключительно и единственно самому императору Наполеону. Он задумал и выработал свои планы в молчании и уединении; за исключением одного человека, никто не знал о его намерении, пока он открыл его своим изумленным министрам 23 ноября.

Всем известно, что у императора есть своя особенная, очень оригинальная манера действовать. По привычке, приобретенной в молодости, или по на-

туре, он всегда любит делать сюрпризы. Освобождение Абд-эль-Кадера, переворот 2 декабря, война с Австрией, присвоение Савойи и Ниццы и декрет 24 ноября — все это было сделано одинаковым способом. Я сказал, что один человек был отчасти посвящен в тайну незадолго перед тем, как она должна была обнародоваться, когда проект был уже обдуман и готов к изложению на бумаге. Этот человек был Валуевский, тот самый, который, к своему величайшему удовольствию, сидит теперь на кресле, покинутом г. Фульдом, одним из его милейших друзей, — г. Валуевский занял его место во имя своей долгой и искренней дружбы. Г. Валуевский был порядочно удивлен, когда император сказал ему, что он сделал и хочет сделать. Но г. Валуевский видел в своей карьере столько удивительного, что его удивление чему бы то ни было не бывает продолжительно, а скромность, которую обладает он в высокой степени, внушила ему — выслушать и согласиться.

Когда министры собрались 23 ноября под председательством императора, ничто в лице и в одежде императора не обнаруживало его намерений. Но он не замедлил изложить свой проект. Он сообщил министрам, что пришел к убеждению, состоящему в том, что правительство, своевременно не делающее благоразумных уступок и желаемых страной реформ, ослабляет себя. Он сказал, что не желает доводить сопротивление реформам до крайности. Он сказал, что такие люди, как, например, Беррье, могли быть членами палаты депутатов при орлеанской монархии, а легитимисты и орлеанисты могли заседать в республиканских собраниях 1848—1851 гг., и что он не видит причины, почему люди, приносящие Франции честь своими дарованиями и честностью, не могли бы выступить и принять участие в делах нации. Он объявил, что ему надоела «палата в Жюбинале-ском роде» (Chambre Jubinal — таково буквальное его выражение, как меня уверяют) и что ему нужна палата другого рода. Сделав еще несколько замечаний, император прочитал свой декрет. Если бы среди комнаты, в которой заседали министры, упала бомба, они не изумились бы и не испугались бы так. Но сомнение было невозможно: император положительно объявил, что законодательному корпусу должно быть дано право свободно обсуждать адрес в ответ на тронную речь и произносить мнение о внутренней и внешней политике правительства. Министрам нечего было делать, они должны были покориться и покорились.

Г. Морни заговорил, обращаясь к императору. Он усердно советовал его величеству подумать и не пускаться в уступки, слишком поспешные или большие, и т. д. Морни предлагал свою мысль о том, в чем могут состоять уступки. Она состояла в том, чтобы «Монитёру» разрешено было печатать вполне прения законодательного корпуса; но итти дальше он не был расположен. Г. Барош победил, услышав декрет, а г. Бильйо, бывший либерал, бывший республиканец, бывший защитник свободы прений и свободы печатного слова, не мог, как рассказывают, произнести почти ни одного слова от изумления. Г. Руз, министр общественных работ, смотрел так, как будто бы горько слушать ему такие речи. Г. Морни снова выступил на защиту товарищей. Он спросил императора: что он думает сделать, если нынешняя палата в своем ответе на тронную речь выразила бы неодобрение политики его величества? Император сказал, что в таком случае он распустил бы палату и апеллировал бы к нации. — «Но что делаете вы, государь, продолжал Морни, если новая палата также не одобрит политику вашего величества?» — «В таком случае я уступил бы и принял бы политику, предлагаемую представителями нации», не колебаясь, сказал император. Я полагаю, что этот рассказ буквально точен. Г. Жюбиналь — депутат, необыкновенно усердный в приверженности к правительству. Он не считается великим оратором или великим государственным человеком, или великим мудрецом, и упоминание о нем довольно позабавило публику. Министры не согласны между собою и не довольны. Они видят впереди

что-то мрачное, и бодрость их упадет. Неудивительно это. Вообразите себе Бароша, Бильйо, Морни и т. д. перед лицом Беррье, Монталамбера или Тьера при свободе прений!

Представляется вопрос, будут ли немедленно назначены выборы для составления новой палаты. Спрашивать мнения у нынешней палаты — значило бы спрашивать мнения не страны, а нескольких официальных лиц, под влиянием которых находятся остальные члены.

Если император действительно желает спросить мнение страны, то надобно распустить нынешнюю палату, запретить префектам излишнее вмешательство в выборы и созвать палату, избранную свободно.

Вам, вероятно, любопытно будет узнать, как эти реформы приняты конституционной партией, то есть легитимистами и орлеанистами. Чистые легитимисты возмущаются мыслью, что кто-нибудь, кроме их претендента, делает уступки нации. Они не довольны не самим декретом, а тем, что на нем выставлено другое имя. Из орлеанистов некоторые не доверяют ничему, происходящему от нынешнего правительства. Другие соглашались принять декрет, как первый шаг к дальнейшим уступкам. Эту первую уступку не считают они значительной, но думают, что не надо безусловно отвергать ее».

Читатель знает содержание декрета: им давалось законодательному корпусу право выражать мнение о политике правительства и определялось, что прения, происходящие в законодательном корпусе, должны печататься в «Монитёре» вполне и могут быть также вполне перепечатываемы из него всеми газетами, между тем как прежде печатались только краткие протоколы заседаний. Сама по себе эта перемена не возбудила бы особенного интереса, но причина, из которой возникла она, — сознание императора французов, что при нынешнем состоянии умов во Франции нужны конституционные реформы, — этот факт возбуждал предположение, что декрет 24 ноября служит только предисловием к дальнейшим уступкам общественному мнению. Такое мнение подкреплялось назначением Персиньи, либеральнейшего из людей, близких к императору, на место министра внутренних дел. Ждали преимущественно двух распоряжений от влияния Персиньи: возвращения свободы прений газетам и распускания прежнего законодательного корпуса для того, чтобы могла образоваться палата из лиц, более самостоятельных. По слухам, сам Персиньи считал новые выборы в законодательный корпус делом надобным. Как бы то ни было, но правда осталась на стороне полуофициальных газет, с самого начала объяснявших, что ошибочны предположения публики об отменении закона, подчиняющего газеты административному вмешательству, и о произведении новых выборов в законодательный корпус. Новый министр внутренних дел мог только обещать, что будет поступать с газетами снисходительнее своего предшественника. Мы не представляем соображений, которые сами собою являются уму каждого, тем более, что много раз делали краткие указания на события, приближающиеся во Франции.

Мы не будем рассказывать и о войне, которую вели, а теперь уже кончили, Франция и Англия с Китаем¹⁵. Влияния на ход политических дел она не имела; а насколько интересна она сама по себе, мы расскажем ее в отдельной статье в одной из следующих книжек «Современника». Здесь мы думали представить подробный рассказ о перевороте, гораздо важнейшем, — о выборе президентом Соединенных Штатов Линкольна, служащего представителем партии, стремящейся к уничтожению невольничества. Но, против нашего ожидания, результаты этого выбора еще не успели определиться с достоверностью: решатся ли некоторые из южных штатов сделать попытку для составления отдельного союза, или ограничатся пустыми угрозами и даже не сделают попытки отторжения, которая во всяком случае оказалась бы вредна лишь для самих плантаторов, — это еще не ясно. Потому удовольствуемся пока несколькими краткими замечаниями.

Партия, стремящаяся к уничтожению невольничества, возникла очень недавно в Соединенных Штатах, — самая пропаганда, из которой она возникла, началась всего лишь лет 30 тому назад. На политическую арену самостоятельным образом явилась эта партия всего лишь лет 10 или 15 тому назад. Она еще только формируется и растет, но растет очень быстро. Вот именно эта перспектива скоро увидеть, что она через несколько лет станет господствовать в Северо-Американском Союзе, и пугает плантаторов, раздражение которых было бы непонятно, если бы мы обращали внимание только на нынешнюю программу противной невольничеству (республиканской) партии. Теперь республиканская партия требует еще очень немногого — только того, чтобы невольничество не было распространяемо в новых поселениях, в областях, едва начинающих заселяться, еще не сделавшихся штатами (самостоятельными государствами), называемых территориями и находящихся под управлением федерального правительства. Республиканская партия еще не предъявляет требования об уничтожении невольничества в штатах, в которых оно существует: но плантаторы справедливо говорят, что она имеет эту мысль и скоро займется ее исполнением. Потому они хотят или запугать другие штаты угрозой отделиться от Союза, или, если не удастся им запугать свободные штаты, не удастся отвлечь их от республиканской партии, то выйти из Союза поскорее, пока республиканская партия еще не усилилась настолько, чтобы помешать отторжению.

Читатель знает, что свободные (северные) штаты имеют две трети всего белого населения Союза. Штаты, сохраняющие невольничество, едва имеют одну треть его, и сами опять распадаются на две половины: штаты, занимающие северную часть южной половины Союза, граничащие с свободными штатами,

Виргиния, Делавар, Мериленд, Кентукки и Миссури, не возделывая хлопчатой бумаги, не имеют большой надобности заботиться о сохранении невольничества. Остаются 10 штатов, возделывающие хлопчатую бумагу невольническим трудом; их белое население составляет одну шестую или одну седьмую часть всего белого населения Союза. Все вместе они были бы слишком еще слабы, чтобы иметь отдельное от остального Союза существование. Но и в этих десяти штатах (Алабама, Джорджия, Южная Каролина, Миссисипи, Луизиана, Флорида, Арканзас, Северная Каролина, Техас, Теннесси) пристрастие к сохранению невольничества не в одинаковой степени господствует над чувством национального единства. Судя по последним выборам президента, во всех этих штатах, кроме Южной Каролины, противники отторжения составляют большинство, которое только терроризируется плантаторами, только по принуждению может уступить их требованию отторгнуться от Союза. Лишь в одном штате, Южной Каролине, приверженцы отторжения действительно имеют на своей стороне большинство белого населения, — это потому, что Южная Каролина надеется, в случае отторжения, стать торговым центром всех плантаторских штатов, и главный портовый город ее, Чарльстон, думает занять в южном союзе место, которое теперь принадлежит во всем Союзе Нью-Йорку. Тактика плантаторов состоит теперь в том, чтобы действовать как можно быстрее, чтобы увлечь другие плантаторские штаты примером Южной Каролины, пока противники отторжения в них еще не организовались. Южная Каролина уже объявила, что отторгается от Союза. Надобно теперь подождать известий, успеют ли плантаторы увлечь вслед за нею Георгию, Алабаму и Миссисипи, в которых они сильнее, чем в остальных хлопчатобумажных штатах. Это скоро обнаружится.

Но во всяком случае союз южных штатов не обладал бы никакой жизненностью, и угроза отторжения имеет не столько тот смысл, что плантаторы надеются на существование своего отдельного союза, о котором так горячо рассуждают, сколько ту цель, чтобы склонить население северных штатов к уступкам для примирения. Так и советует сделать северным штатам нынешний президент Соединенных Штатов, Буханан, представитель крайней плантаторской партии. Срок власти Буханана¹⁶ кончается 4 марта следующего года, — в этот день вступит в должность новый президент, при котором федеральная власть будет враждебна плантаторам, между тем как теперь она благоприятствует им. Потому плантаторы стараются поскорее, при Буханане, кончить дело тем или другим способом — отторжением от Союза для вынуждения у северных штатов уступок при будущих переговорах о своем возвращении в Союз, или немедленным получением уступок: при Линкольне им будет не так

удобно исполнять маневр отторжения, служащий для них средством к вынуждению уступок. Последние известия, какие мы имели, когда писали эту статью, говорят только о первых двух заседаниях конгресса, в которых только еще начались прения о совете Буханана, — через неделю или через две читатель будет знать, какое положение принял конгресс в этом деле: согласится ли республиканская партия палаты представителей Северо-Американского Союза на уступку плантаторам, или депутаты плантаторских штатов удалятся из конгресса по несогласию большинства палаты представителей на их требования, выраженные Бухананом.